

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 16

1959

Василий ФЕДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Василий ФЕДОРОВ

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

ПОЭМЫ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1959

Василий ФЕДОРОВ

Василий Дмитриевич Федоров родился в 1918 году в Кемерове, в рабочей семье. Учился в Жарковской школе крестьянской молодежи, где вступил в ряды комсомола. Два года работал в колхозе, затем около девяти лет—технологом и мастером на военных заводах Сибири. В 1945 году вступил в КПСС.

Первые стихи и очерки В. Федоров напечатал в 1939 году в заводской многотиражке. Без отрыва от производства начал учиться в Литературном институте имени А. М. Горького. В 1947 году переехал в Москву. Окончил литературный институт в 1950 году.

Первую свою книгу («Лирическая трилогия») В. Федоров издал в Новосибирске в 1947 году. За ней последовали повесть «Зрелость» («Молодая гвардия», 1953), повесть «Добровольцы» («Молодая гвардия», 1955), сборники стихов «Марьевские звезды» (Новосибирск, 1955), «Лесные родники» («Молодая гвардия», 1955), книга поэм «Белая роща» («Молодая гвардия», 1958) и книга лирики «Дикий мед» («Советский писатель», 1958).

СОДЕРЖАНИЕ

Золотая жила	3
Проданная Венера	21

Василий Дмитриевич Федоров
ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 03306. Подписано к печати 7/IV 1959 г. Тираж 160 000. Изд. № 741.

Заказ № 554. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина,
Москва, ул. «Правды», 24.

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

О любви,
О гордой жизни деда
Я, приписанный к его судьбе,
Не в семейной хронике разведаль,
Я ее разведаль по себе.
Жить бы,
Молодых бровей не хмуря,
Но беда похожа на беду
Только потому, что жизни буря
Прошумела у меня в роду.
Принял я тревожное наследье,
По нему былое узнаю...
Но пора!
Отбросим полстолетья
И вернемся в Марьевку мою.

С вызовом
Выбрасывая звоны,
Молотом играет Харитон.
«Будь покорен»,— говорят законы.
Только Харитону что закон!
Молодой,
Лицом и телом ладный,
Лошадь зашибавший кулаком,
То, что величаем мы кувалдой,
Называл он просто молотком.
У него в руках железо пело.
У него от жаркого труда
На лице румянном накипела
Черная с рыжинкой борода.

Что ему,
Когда он сам, как главный.
По тайге на сотню верст вокруг

Лишь один ему по силе равный,
Да и тот его любезный друг.
Не один опустит злое око,
Как пойдут они на шумный яр,
Харитон, поднявшийся высоко,
И в плечах раздавшийся Назар.
Как придут они туда да стукнут
С силой, застоявшейся в ногах,
Что леса окрестные аукнут,
Озеро качнется в берегах!
Сила их носила, возносила
Над безумьем деревенских драк.
Лишь однажды их лесную силу
Подлость одолела...

Было так:
Крики,
Свисты.
Это всею сходкой,
Старосте Царьку деревней всей
Жеребца ловили пятигодка
Самых удивительных кровей.
Рыжий, как огонь,
Как ветер, скорый,
Он скакал меж криками:
«Гони!..»
На подворьях рушились заборы,
В огородах падали плетни.

— Эй ты, нелюдь! — голос Харитона
Резанул хозяйину нутро.—
Ставь, Царек, ведерко перегона,
Мы пьмаем!
— Полведра.
— Ведро!

Сговорились.
В узенький проулок
Встали други, каждый крепколап.
Стук копыт, как на морозе, гулок,
Дик и устрашающ конский храп.
Из ноздрей — белесые колечки,
Хвост и грива брошены вразмет.
От него, как от горячей печки,
Еще задаль жаром отдает.

Взвился на дыбы,
Да мало толку.
Харитон, лицом почуя жар,
Левою рукой схватил за холку,
Правой за ногу...
А тут Назар!..

Под его железною рукою
Падать к человеческим ногам
С гордостью и кротостью такою
Было бы не стыдно и богам.

И Царек уж тряс друзей за плечи,
Уговаривая и браня:
— Черти некрещенные, полегче,
Не губите доброго коня!
А потом, ругая Харитона,
На его сподвижника ворча,
Вынес им ведро не перегона,
Ладно и того, что первача.

Был бы там,
Решился бы, спросил я:
Отчего был дед на зелье лют,
Почему сыны твои, Россия,
Больше всех на свете водку пьют?
Почему?..
Не надо удивляться.
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько, что опохмеляться
Внукам их
Приходится теперь.

— Пей!.. Гуляй!..
Царек косил на пьющих,
Замышляя что-то против них,
Непокорных,
Власть не признающих,
Не похожих в жизни на других.
Подчинясь его, Царьковой, воле,
На того, кто стал им не с руки,
Расхрабрились,
Выломали колья
Харитона злые шуряки.
Не затем роднились с ним три брата,

Чтобы он с железною рукой
От жены из их семьи богатой,
Значит, и от них,
Пошел к другой.
За позор сестры они платили,
Как не платят за разор врагу,
Другов били, друзей молотили,
Как снопы молотят на току.
Не было отпора низколобым.
И как стало на дворе темно,
Положили рядом их,
Всею скопом
Накатили им на грудь бревно.

Ночь,
И освежая и врачуя,
Укрепила их глубоким сном.
Харитон очнулся.
— Чуешь?..
— Чую..
Харитон опять:
— Дыхнем?
— Дыхнем.

Как очнулись —
Сила воротилась,
Отданная ими за вино,
Как дыхнули,
Так и покатилося,
Будто с горки,
Толстое бревно.

На широкой выспались постели,
Пестряди домашней не стеля.
Встали,
Обнялись,
Пошли,
Запели,
Шурьякам покоя не суля:

«У солдатки
Губы сладки,
У вдовы, как медовы,
У законной у жены,
Как ковриги аржаны...»

* * *

Было так:
Дыша прохладой леса,
Раздвигая темень хвойных штор,
К лиственнице крепкой, как железо,
Шел кузнец испытывать топор.
Пело сердце,
В листьях пели птахи.
Что там птахи, коль, всегда тихи,
На посконной праздничной рубахе
Вышитые пели петухи!
Он и сам запел...
Но, зло пророча,
В развеселый птичий переклик
Подмешалась трескотня сорочья,
Треск валежника
И женский крик.

Он раздвинул бремя навесное
И увидел, глядя в полумрак,
Как шаталось чудище лесное,
Жадно щуря маслянистый зрак.
В страхе пятилась,
С малиной сладкой
Прижимая к сердцу туесок,
Глаша, темнокошая солдатка,
От большой беды
На волосок.

Видел он,
Успев осатаниться
И откинуть руку на замах,
Как метались синие зарницы
В темных
Перепуганных глазах.
Не сосна
В минуту буревала —
На густой малинник, как гора,
Старая медведица упала,
Острого отведав топора,
И лежала после этой схватки,
Разодрав одежду о кусты,
Глаша, тонкобровая солдатка,
В полном цвете бабьей красоты.

Будто видел он совсем другую,
От которой глаз не отвернуть,
И смотрел на белую, тугую,
Ягодой обсыпанную грудь.
А когда, забыв про поединок,
Нес ее в народную молву,
Изо всех веселых ягодинок
Только две не падали в траву.

Его сердце
К ее сердцу льнуло.
Чтобы одиноко не стучать,
Сердце Харитона подтолкнуло
Сердце,
Переставшее стучать.
Изо всех чудес лесного мира
Лишь она была нужней всего.
Нес и повторял:
— Очнись, Глафира!..
И она очнулась для него.

И пока донес,
Легко ступая,
Мягкою травкою не шурша,
Темная,
Крестьянская,
Скупая
Нежностью истаяла душа.
И однажды
Ночью черно-бурой
Он пришел, наветам вопреки,
Бросил за порог медвежью шкуру
И о шкуру вытер сапоги.
Грубый,
В домотканое одетый,
Не читавший даже букваря,
Он сказал, как говорят поэты:
— Золотая искорка моя!

* * *

Все, чем жил,
Вдруг стало жизнью дальней.
Он для Глаши душу отворил
И ковал на звонкой наковальне,

Будто с ней все время говорил.
Как умеет петь металл горячий!
Чем краснее он и горячей,
Тем певучей,
Искренней и мягче
Благородный тон его речей.
Обожжется молот и запляшет
Пьяным дружкой в свадебном чаду,
И звенит он:
«Глаша! Глаша! Глаша!..»
И зовет он:
«Жду!.. Жду!.. Жду!..»

Звон условный,
Глашу зазывая,
Долетал и до того окна,
Где сидела, тоже не глухая,
Жмурая законная жена.
Помнит: сговорились не сердцами.
Помнит: в торге, долгом и скупом,
Было все устроено отцами,
Скреплено законом и попом.
Не поможет мамкина икона,
Бабушек даренье — образа,
Если выше всякого закона
Оказались Глашкины глаза.
Бог дает и радости и муки,
Только непонятно — хоть убей! —
Почему же нынче божьи руки
Оказались Глашкиных слабей?

Руки Глаши
Если обовьются,
Их уже ничем не разорвать.
Губы Глаши
Если улыбнутся,
До сухоты будешь тосковать.
Сердце Глаши!
Дай ему раскрыться —
И увидишь счастье в тайнике.
А ресницы?
В Глашиных ресницах
Заблудиться легче, чем в тайге.
Ласки Глаши!
Ласковые ласки —

И огонь, и сладкий хмель вина...
И сосна,
Чтоб не было огласки,—
Все гудит над ними, как струна.

Станет Глаша
Пьяной и незрячей,
Чтобы дома, радуясь опять,
С белой кофты след руки горячей
С гордою улыбкой замывать.
Не пристала к ней тоска-забота
Даже в день,
Когда ей, как враги,
Дегтем разукрасили ворота
Милого лихие шуряки.

* * *

Харитону что?!
Опять смеется,
Смелого ничто не утрашит.
А солдат с войны к жене вернется,
Если вражья пуля разрешит.

Вражья пуля многих порешила,
Положила в сопках отдыхать,
А ему, Игнату, разрешила
Дорогую Глашу повидать.
Все она Игнату прежней снится,
В теплом свете марьевской зари.
Замолчи, услужливый возница,
Ничего о ней не говори!..

Как тайга, лицо солдата хмуро,
Будто защищавшему редут
Павшие твердыни Порт-Артура
Все еще покоя не дают.

Все непрочно,
Слишком скоротечно
Для солдат, ходивших на войну.
Царь одно из двух давал навечно:
Смерть — на фронте,
А в тылу — жену.

Лишь она приписывалась прочно.
Потому и нес для жизни впрок
Из далекой из земли восточной
Спрятанный в бутылке тополек.

Вот и двор.
Солдат перекрестился,
Ручеек по плахе перешел.
Хорошо, что дом не покосился
И целы ворота. Хорошо!
Хорошо, что двор не оголила.
На воротах, чтобы все по ней,
Старые дощечки поскоблила.
Тоже ладно:
Этак веселей.

Мудрость жизни —
Вот за службу плата.
И жену, какой бы ни была,
Десять лет служившему солдату
Спрашивать не надо,
Как жила.
В приступ жажды
Пьющего из чаши
Обожжет и студная струя.
Будто и глазам не верил.
— Глаша?!.
Подтвердила:
— Я, Игнаша, я...

Пусть жена не так, как надо, встретит,
Все равно солдат от счастья слеп.
Долго голодавший не заметит,
Мягкий или черствый
Ест он хлеб...

Как встречала
Да привечала,
От людей не утаишь...

Отчего ты, кузня, замолчала,
Отчего, как прежде, не звенишь?
Или твой кузнец уже не молод?
Или с другом сел за бражный стол?

Как узнал он
Да как поднял молот —
Б-бах!..—
И наковально расколел.
И таежной мерой горе мера,
Он метался в хвойной темноте.

— Где вы тут, невиданные звери,
Я зову вас, отвечайте, где?..
Зверь не шел.
И сам, как зверь косматый,
На душе которого темно,
Он прибрел на пиршество солдата
Под резное Глашино окно.

В доме пили,
В доме песни пели.
Не при нем, метавшемся в тоске,
Половицы старые скрипели
И горшки гремели на шестке.

А у ног его
Дрожал росточек
Самой неприметной высоты.
Тополька единственный листочек
Трогал свет мигающей звезды.
В диком буйстве богатырской крови,
В час обиды на душу тяжел,
Поднял Харитон сапог в подкове,
Будто виноватого нашел.

А листочек вдруг засеребрился,
Вроде запросил:
«Не будь жесток!..»
Подобрел и рядом опустился
Харитона кованый сапог.

На семейном пиршестве ненужный.
Он ушел в рассветную зарю.

До сих пор за шаг великодушный
Я тебя, мой дед, благодарю.

О беде понятия не имея,
Тополь рос и, кривенький, прямел.
Он потом над юностью моею,
Над моей любовью прошумел.

Горе и теперь в сердца стучится,
Но сердца вольны вступать с ним в бой.
И со мною не могло случиться,
Что случилось некогда с тобой.

* * *

На березках —
Желтые платочки.
Появилась лету вопреки
Листьев золотая оторочка
На зеленом поясе тайги.
И зима проворными перстами
К Глашиному дому
Все пути
Застелила белыми холстами:
Коли смел, попробуй наступи!
И леса густые облетая,
Чтоб изгнать из памяти весну,
В белые меха из горностая
Нарядила каждую сосну.

И не только лес зиме поддался,
Даже люди, взятые в полон,
Белизной утешились. Остался
Неутешным только Харитон...

Не звони,
Не наводи истомы!..
Как пойти ей на такой набат,
Если каждый след ее от дома
Заприметит пасмурный Игнат?!

Но была в надрывном звоне сила,
Пред которой Глаша не вольна.
Вышла на крыльцо,
С крыльца ступила,
На окно лицо оборотила,
Стала к кузне пятиться она.

Видишь, муж,
Домой ведут следочки.
Пятится —
И в луночке любой
Тяжело печатаются строчки
Валенок, простеганных тобой.

Пятится она к желанной цели.
И большее, чем дано рукам,
Белый снег
Поднявшейся метели
Бьет ее с размаху по щекам.

Только бы дойти,
Не оступиться!..
А метель, проклятая, метет,
Индевеют темные ресницы,
Стынут слезы,
Но она идет...

* * *

Берегись, жена,
Придет расплата
За твою бессовестную ложь!..
С пулями хитрившего солдата
Ложным следом ты не проведешь.
Десять лет ему, солдату, лгали,
Правду-матку пряча за мундир,
Десять лет солдатом помыкали.
Нынче сам он бог и командир!

Ты солдата не смягчишь слезами,
Он еще свою покажет власть...
Ведь недаром под его усами
Горькая усмешка прижилась!

У него своя игра с женою:
Упредил и не шумит пока,
Чтобы этой ложной тишиною,
Как на фронте,
Обмануть врага.

Стоит лишь солдату отлучиться,
Сделать вид, что конь его умчал,
Харитон в окошко постучится...

Так и вышло:
Дед мой постучал.

Глаша стук условный не забыла,
Выбежала в сенцы в чем была,
Торопливо двери отворила,
В горницу, как прежде, провела.
Не успел желанный гость раздеться,
Не успел прижать ее к груди,
Стук раздался...
Никуда не деться.
Может, кто другой?
Пересиди.

Вышла Глаша.
Руки, леденя,
Поступают с мыслями не в лад.
Отворила. Вырос перед нею
С прежнею усмешкою Игнат.
Прошагал лениво мимо Глаши,
Не сказав ни слова, не кивнув.
Прошагал в передний угол, даже
В круглые глаза не заглянув.
Он своей не изменил походки
И спокойно, будто не был зол,
Полную бутылку казенной водки
Из кармана
Выставил на стол.
Шубу снял
И молвил тихо, странно,
Словно пересиливая хворь:
— Принеси-ка, Глаша, два стакана
Да закуски малую спроворь.

И легли, храненные особо,
На тарелку,
Словно близнецы,
В золотистых крапинках укропа
Крепкого посола огурцы.

Одарил улыбкою скупую,
От которой набежала дрожь,
Положил Игнат перед собою
Вместо вилки свой солдатский нож.
И сказал, давая волю блажи:
— Харитон! Не прячься, выходи!
Посидел, помиловался с Глашей,
А теперь со мною посиди!..

Поначалу будто и не слышал,
А потом, намучившись в углу,
Поразмыслил Харитон и вышел
Из веселой горенки к столу.
А Игнат полюбовался зельем
И спросил, не торопясь разлить:
— Что же, как жену с тобою делим,
Так и водку поровну делить?

Два стакана
В тайном гореванье
Разом над столом приподнялись,
Стукнулись шлифованные грани,
Звякнули —
И мирно разошлись.
Выпив, крикнули по моде русской
Тут Игнат, недобрый глаз скосив,
Острием ножа поддел закуску,
Сунул в губы гостю:
— Закуси!..
Замер гость.
И зубы сжались сами.
Напрягая шею, не дыша,
Огуречный ломтик он губами,
Мускулом не дрогнув, снял с ножа.

Гость жует.
Игнат ему ни слова.
С гневом, накопившимся в душе,
Снова наливает он..
И снова
Подает закуску на ноже:

— Закуси!..
И снова испытанье,
Но теперь в жестокой тишине

Каждый слышит трудное дыханье
Глаши,
Прислонившейся к стене.
Вновь полны стаканы.
С третьим звоном,
С третьим подношением ножа
Глаша на пол рухнула со стоном...
Встал Игнат.
— Ну, погостил — и ша!..

* * *

Что теперь?
Куда податься силе
С первой сединою на висках?
Самого поймали и скрутили,
Как того, Царькова, рысака.
После угощения солдата
Стала Харитону жизнь тошна:
Страшен был не острый нож Игната,
А неволя Глашина страшна.
Радость жизни обернулась пыткой.
Харитону тоже не легко...
И с полатай дети — Мотька с Митькой —
С любопытством смотрят на него.
Жаль их! Жаль...
Но ни душой, ни телом
Вновь он не приклеится к жене.
Два куска железа,
Что ни делай,
Не сварить на маленьком огне.

Так бы жил,
Тяжелый и суровый,
В чистоте любви непогрешим.
Надоумил человек торговый,
Ехавший с обозом на Ишим.

Он сказал:
Мол, зря тут держишь силу.
В той сторонке, где встает заря,
Набредешь на золотую жилу —
И дойдешь, богатый, до царя.
Сесть с тобою он сочтет за благо:

Золото и для царей не сор.
Будешь кушать царскую кулагу
И вести неспешный разговор.

То да се...
Поскольку он в короне,
Безобидный сделаешь поклон,
Намекнешь о Глаше, о законе.
Царь мигнет —
И по боку закон.
Пригревая,
Шла весна полями,
С появлением первой теплоты
Желтыми мохнатыми шмелями
Вылупились вербные цветы.
Шла весна под спевку птичьих хоров,
Осыпая почками кусты.
Шла весна и с тихих косогулов
Скатывала белые холсты.

Вот и пасха.
Дни загорячели,
Загуляли люди на селе,
Закачались на яру качели.
Кто плясал, кто пел навеселе.

В пестроту дешевенького ситца,
Невеселый, сдержанный в речах,
Вышел Харитон
С людьми проститься,
Вынес Митьку с Мотькой на плечах.

Нес их от лужайки до лужайки,
Нес их к яру, выйдя на межу.
— Ухожу!
Детей не обижайте,
Не от них —
От горя ухожу...

Нес любимых,
На себя похожих.
И все трое — головы в поклон.
— Тышша поманила, Харитоша?
Как услышал, замер Харитон

И сказал, подняв детей повыше:
— Вот моя тышша!..
И вот моя тышша!..

И ушел.
Он был на это волен.
Долго-долго, бледная с зимы,
Глаша из-за тонких частоколин
Все смотрела вслед, как из тюрьмы..
Проводила тайными слезами,
Пожелала, чтоб дошел до той,
Где-то за горами и лесами
Скрытой богом,
Жилы золотой.

* * *

Взяли жизнь
Таежные химеры.
Не ему везло — везло другим.
Ни в одном краю миллионера
Не встречали с именем таким.
День за днем
У памяти на страже,
Верст на тыщу ставшие подряд,
Здесь, в тайге,
И в Марьевке для Глаши
Сосны одинаково шумят.

Лунными
Тревожными ночами
Снится ей один и тот же сон:
За рекой с неслышными речами
Одиноко ходит Харитон.
Дальний берег залит лунным светом.
Манит он ее, зовет: «Иди!..»
А она на берегу на этом
И никак не может перейти.

Весть пришла:
Живет он небогато,
Не дается золото ему.
И сбежала Глаша от Игната,
Не во сне

Сбежала — наяву.
И никто не рассказал толково,
Как ей отыскать любовь свою.
Думала, красивого такого
Разве же не знают в том краю!
Мир огромен.
Как под низкой тучей,
Что черна была и тяжела,
Шла Глафира по тайге дремучей,
К Харитону шла —
И не дошла...

Но уже
Решительно ступала
Революция с ружьем в руке,
Топором крестьянским прорубала
Просеки в нехоженой тайге.

Гордый дед мой,
Натрудив ладони,
Самородных жил не отворил,
Но с царем о Глаше, о законе
Все же Харитон поговорил.
Верю:
Вспоминая о Глафире,
Шел он в бой...

И где-то у Читы
В павшем партизанском командире
Признавали дедовы черты.

1957.

ПРОДАННАЯ ВЕНЕРА

Я был у старших на примете.
И вот однажды мне велят
На комсомольском комитете
О красоте прочесть доклад.
Мой вкус был самый деревенский,
А други просят:
— Не забудь
О красоте, ну, знаешь, женской
В своем докладе помянуть.

А что я знал?
Что есть сутулость
И есть девическая стать?
На чем душа моя споткнулась,
Не надо мне напоминать.
И все же будущего ради,
Марая белые листы,
Задумал я в своем докладе
Раскрыть все виды красоты:
Все то,
Чем люди восторгались,
С чем шли, рассеивая мрак.
Все темы прочие давались,
А тема женская
Никак!
Не помогал мне опыт древний,
Что лег в пудовые тома...
Все лезет на глаза деревня,
Подслеповатые дома,
И щучьи зубы частокола,
И ребра старого плетня,
И школа сельская...
Та школа,
В которой около меня

Сидела Граева Наташа...
В те дни она такой была,
Что ничего природа наша
Прекраснее не создала.
В деревне, помню, говорилось
С насмешкой острою, как нож:
— Ты что-то, девка, загордилась —
Как Ната Граева, идешь!

Теперь
Хочу увидеть снова
Все то, что память сберегла.
И речка времени былого
Перед глазами потекла.
Избрал я место наудачу
У каменного гольша,
Сижу за кустиком — рыбачу,
Ловчусь перехитрить ерша.
С настойчивостью непонятной
Мечтаю о его клевке
И все смотрю,
Как луч закатный
Разнежился на поплавке.
Не видел я, как по откосу
Прошла она, как на песок
Одежду сбросила и косы
Под синий спрятала платок.
Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла.
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!
Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.
Волна пред нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи, золотилась
Ее заносчивая грудь.

Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста,

Еще не троганное мною,
Большое слово:
Красота.

Ничем
Не помешав Наташе,
Преодолев блаженный стыд,
Я подстерег ее тогда же
У зеленеющих раakit.
Как, вспоминаю, сердце билось,
Когда, проплавав полчаса,
Она пришла, остановилась
И заглянула мне в глаза!
Смутилась вдруг,
Стыдливой стала...
В моих зрачках —
Ей-ей, не лгу! —
Себя, должно быть, увидала,
Какой была на берегу.

А старики —
И это тяжело —
Судили Нату под гармонь:
— Конем любятоя в упряжке,
Конь на гульбе
Еще не конь...

Но время воздвигает стены,
И самой страшною стеной
Огни и дымы дней военных
Заколыхались предо мной.

И снова
Я ее увидел,
Взглянув на мир из-под руки,
Не на гульбе — в том самом виде,
Как выражались старики.
Увидел с темными горшками,
Перекаленными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.
Порядок слов,
Звучавший мило,
Теперь бросал все тело в дрожь:
— Ты что-то, девка, приуныла —
Как Натка Граева, идешь!..

При встрече
На дороге пыльной
Ее глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся сваяла, не успев расцвести.
Лицо обветрено и грубо.
И шла она, не шевеля
Губами,
Потому что губы
Потрескались,
Как в зной земля.
Давно успела позабыть,
Что до поры иссохли груди,
Что стала по земле ходить,
Как ходят пожилые люди,
Что живость света и огня
В ее глазах давно заснула.
В мои с надеждой заглянула —
И отшатнулась от меня.

В моих,
Повидевших немало,—
А в них я все сберечь могу! —
Себя в соседстве увидала
С той, прежней Натой, что стояла
Передо мной
На берегу.

* * *

За боль,
За раннюю сутулость
Спешу сторицею воздать.
Найди же, чем не стала юность
И чем она могла бы стать!
На чем от самого рожденья
Не отразятся
Ни ветра,
Ни мировое потрясенье,
Ни горе одного двора.

Ищи прекрасное на свете,
Суди, оправдывай, вини
И по нетронутой монете
Монету стертую цены.
Не изменив мечтам заветным,

По жизни в поисках пройди.
В каком-то облике бессмертном
Наташу Граеву найди.
Ее судьба да будет вехой,
Повсюду видной хорошо.
Искал я.
И в книжонке ветхой
Ее бессмертье я нашел.

Я видел:
В радостном полете
Кисть жизнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.
Влюбленный и ревнивый гений
В слиянье радости и мук
Набросил матовые тени
На легкие изгибы рук.
Такой лететь туда, где боги!
И он, уже не тратя сил,
Куском парчи,
Упавшим в ноги,
Ее чуть-чуть отяжелил.

Едва приметными мазками
На долгий срок,
На вечный срок
За темными ее зрачками
Свет человеческий зажег.
Тем светом ей
Печаль, тревогу
И горе изгонять дано.
С такой легко искать дорогу,
Когда становится темно.
Она стыдлива без ужимок,
Как та,
Которую я знал...
И это был
Всего лишь снимок,
А где же сам оригинал?
Где рождена?
В какие эры?
В какой из поднебесных стран?
И кто она?

Прочел: «Венера».
А чуть пониже: «Тициан».
И тут же на бумажной сини
Отчетливо и на виду
Приписка: «Собственность России».
Прекрасно!
Я ее найду!

И снова
В поиски ушедший,
Всем говорю: мол, так и так...
Смеются:
— Что за сумасшедший!
Венеру ищет! Вот чудак!
Какой-то полный незнакомец
Откашлялся и пропыхтел:
— Избаловали!.. Комсомолец,
А тож — Венеру захотел!

Иду,
Чем дальше, тем смелее,
По городу — через снега,
Иду в картинных галереях
Через минувшие века,
Через сокровища народов,
Не падая пред ними ниц,
Через толпу экскурсоводов,
Учеников и учениц.

Переходя от века к веку,
В людской толкаясь тесноте,
Они пришли сюда, как в Мекку,
На поклоненье красоте.
Примет картины благородной
Уйдя на поиск целиком,
И я тянусь к ней,
Как голодный
За хлебным тянется пайком.

Ее ищу я в каждом зале,
В простенках каждого угла.
— У вас Венера не была ли?
— Нет, — отвечают, — не была.
Вновь объясняю по порядку:
— Амур и зеркало... Рукой

Венера поправляет прядку...
Вновь слышу:
— Не было такой.

Но вот совсем неподалеку
Бородка над толпой всплыла,
Блеснуло старческое око
Из-под очков.
— Была! Была!

И вспомнил я,
Как поезд мчался
В лесную родину мою,
И я с таким вот повстречался
В металлургическом краю.
Теперь мне вспомнилось, как ночью,
В огнях увидев домен ряд,
Похвастал кто-то:
— Между прочим,
Я строил этот комбинат.
Добавил, ус кругнувши лихо,
Что ставил там прокатный стан,
А старец, вот такой же, тихо
Заметил:
— Вы и Тициан.

Теперь старик подвижен, светел.
Узнал и вновь не узнаю.

— Вы вспомнили ее?!

Ответил:

— Я вспомнил молодость свою.

Мы шли,

И не было мне странно,
Что говорил он, не шутя:

— Вы знаете, у Тициана

Она не первое дитя...

Дрожало старческое веко,

А он твердил мне об одном:

— Полвека! Да, мой друг, полвека

Я был ее опекуном.

Все черточки лица страдали,
Кривились, будто был он пьян.

— Что ж стало с ней?

— Ее продали.

— Куда?

— Туда... за океан.

Мы продаем
И лес и кожи,
Но красоты нехватка в нас!
Едва ли нужен и возможен
Большого горя пересказ.
Он знал,
Что жили небогато,
И ведал, продана зачем,
Но только личные утраты
Не восполняются ничем...
Когда
В Магнитогорске рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.
Он говорил об этой встрече
Так,
Словно сам с ней в рабство плыл.
— Я парусиною прикрыл
Ее блистательные плечи.
Он рисовал мне
Небо в тучах,
Над палубой туман густой...

За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

* * *

И с ней,
Не встретясь, я простился.
Нерадостен был мой уход.

Заснул я поздно.
Мне приснился
Металлургический завод.
Мне снились волны в кудрях пены,
Бегущие за край земли.
Мне снились грузные мартены,
Похожие на корабли.
Пусть окна в них
Прикрыты плотно,
И лишь на каждом красный глаз,
Но и в зашторенные окна
Бьет пламя,
Обжигая нас.

Но что такое?!
Шум стозвучный
Вдруг стих, рассеялся угар.
С открытым ртом стоит подручный,
Бородку щиплет сталевар.
В глазах у парня бес запрыгал,
И не возьму никак я в толк,
С чего он громко загыгыкал:
— Гы, баба!.. Голая!..—
И смолк.

Гляжу я,
Тоже ошарашен,
Дивлюсь, как на печной пролет
Походкой легкою Наташи
Венера русая идет.
Боса, парчой полуприкрыта
В угоду прежним временам,
На крошки ступит доломита,
Поморщится —
И снова к нам.
Глядит все пристальней, все строже,
Ни слова нам не оброня.
Хочу, мол, посмотреть, за что же
Вы про...
Вы отдали меня.

Старик,
Тихонько увлекая
Меня от гостыи и зевак,
Спросил негромко:
— Кто такая?
Я мастеру: мол, так и так...
Мол, помните,
Когда здесь рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.

И мастер,
Подошедши близко,
Остановился перед ней
И поклонился низко-низко,
Сняв кепку с головы своей...

Помедлил,
Дав словам отсрочку,
Потом, прижав ладонь к груди,
Заговорил:
— Прости нас, дочка..
Все видела, теперь суди.
Бывало, бьюсь,
Из кожи лезу,
И недопью, и недоем.
Мы пропадали без железа,
И рабство нам грозило всем.

Как строились,
Душой болея,
Ты, вечная, нас не поймешь.
И что тебе!
Ты, не старея,
До коммунизма доживешь.
Захочешь жить у нас, к примеру,—
Гости без никаких бумаг...—
Старик вздохнул:
— Вот так, Венера..
По бабушке не знаю как.

Я посмотрел
И вздрогнул даже.
В горячем отблеске огня
Уж не Венера, а Наташа
С укором смотрит на меня.
Вновь покорила
Ясность взора
Глаз темных, затаивших зов,
Как затененные озера
Среди нехоженых лесов.
В них,
Укрываясь от напастей
Души глубинной чистотой,
Надежда на большое счастье
Все ходит
Рыбкой золотой.
Друзья не сразу догадались,
Что говорит она со мной:
— Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

* * *

Не знаю,
Так ли я ответил,
Когда в суровой простоте
На комсомольском комитете
Читал доклад о красоте.
Встречая взглядом
Взгляд сердечный
Сидевших прямо предо мной,
Я с грустью говорил о вечной
И с болью вспомнил о земной.
Я говорил,
Как перед Натой:
История от первых дней
Ни перед кем не виновата,
Виновны только перед ней.
Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения
И горе одного двора.

На все
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.
Судьба Наташи — это подвиг,
А подвиг стоит красоты.

Глазами встретившись с одною,
«Ты знаешь ли,— сказал я ей,—
Какой заплачено ценою
За легкий взлет
Твоих бровей?»
Не знаю, так ли
Двум мальчишкам,
Зевнувшим нехотя в кулак,
Сказал я, может, строго слишком.
— Послушайте,—
Сказал я так:
— Все позабудется на свете,
Все сгладится в конце концов.
Вам, избалованные дети,
Не вспомнить бедности отцов.
Вам подавай лишь то, что мило,
Красавицу и сад в цвету.

Кровь пролилась,
А не чернила
В сражениях за красоту.
Вам огорчительно до боли,
Вам оскорбительно до слез,
Что материнские мозоли
Не пахнут лепестками роз.

Пусть той Наташи мы не встретим,
Но людям жить и быть красе.
На этот раз уже не детям,
На этот раз сказал я всем:
— Рост красоты по дням и годам
Мы обеспечим, верю я,
Как обеспечен курс рубля
Всем достоянием народным!

Мечтатель,
Верный почитатель
Земных красот,
Признайся, брат,
Что виноват,
И я, читатель,
С тобой в растратах виноват.
Мы равнодушны и незрячи,
Не знаем, что смелей резца
Моя ль,
Страны ли неудача,
Морщинку, складку обозначив,
Коснется каждого лица.
Судьбу,
Сгибающую лучших,
Мы не берем за горло:
«Стой!»

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

1956.

Цена 40 коп.

• ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
3% ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ
является удобной и выгодной
для населения формой хранения
денежных сбережений.

Приобретайте облигации

ГОСУДАРСТВЕННОГО 3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАИМА!

По займу ежегодно производится
шесть основных тиражей и один
дополнительный тираж выигрышей

•
Выигрыши по займу установлены
в размере 100.000, 50.000, 25.000,
10.000, 5.000, 1.000 и 400 рублей.

**ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО ПОКУПАЮТСЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ.**